

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРОЕКТИВНО-АССОЦИАТИВНО ЛОГИЧЕСКИЙ ТЕСТ И ЕГО МЕСТО В ПРОГНОЗИРОВАНИИ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ К УСЛОВИЯМ СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

О. Н. КУЗНЕЦОВ и Л. П. РОЗОВА
(Москва)

Необходимость освоения необычных условий существования — одна из наиболее актуальных профессиональных ситуаций современности [29], [38], [47], [48]. Помимо специфических изменений, связанных с воздействием конкретных факторов, для этих условий также характерны общие реакции на стресс, новизну, необычность и опасность окружения. Сам стресс рассматривается Дж. Миллером [40] как нарушенное равновесие системы, исключающее возможность восстановления при помощи управляющих процессов, приуроченных к обычным условиям. С различием в возможностях ориентации личности в ситуации, по концепции персонологической психопатологии А. Д. Зурабашвили [5], [6], связаны как адаптация, так и различные пограничные психиатрические заболевания. Проблема свободы личности в преодолении ею «критической» неопределенности ситуации является объектом философско-психологических [45], [46] или философско-психиатрических [35] произвольных и односторонних построений экзистенциализма. Однако в этих теориях, так же, как в спекулятивной разработке проблем адаптационного поведения в фрейдизме и примыкающих к нему течениях [34], [33], [38], [24] за идеалистическими извращениями, стоят реальные жизненные проблемы.

Одной из разновидностей экспериментального исследования необычных условий существования, требующих приспособления человека, является одиночество в сурдокамере. При клинико-психологическом анализе результатов длительных одиночных экспериментов выявлена существенная роль способности к ориентации в условиях информационной недостаточности и к установлению новых взаимоотношений с самим собой для приспособляемости испытуемых [7]. Ориентация в ситуации — главное в психологических гештальтских теориях

генеза необычных психических феноменов сенсорной изоляции [27], [32], [42], рассматривающих выступающую по отношению к испытуемому ситуацию как неопределенную (неструктурированную). Авторы этих теорий считают, что ситуация становится непереносимой для личности тогда, когда испытуемые не могут усвоить (сделать значимой) ее информационную структуру. Физиологический смысл этих гипотез раскрывается учением И. П. Павлова о второй сигнальной системе: «Ведь для того, чтобы приспособиться к жизни и ориентироваться в ней, мне необходимо представить определенные связи, опираться на них» [17; 14]. Информационная и сенсорная депривация разрушает установленную жизнью оценку положения в среде. Человек, вынужденный в условиях эксперимента вырабатывать систему опознания сигналов, использует для этого вторую сигнальную систему [16], обеспечивающую наиболее высокий уровень деятельности для реализации творческих возможностей человека в процессе формирования новых связей. Мы полагаем, что адекватность приспособления к длительному экспериментальному одиночеству непосредственно зависит от адаптационных характеристик второй сигнальной системы испытуемого, в которой, согласно взглядам Л. С. Выготского и его последователей [1], [12], [13], отражен индивидуальный социальный опыт развивающейся личности и усвоенное ею культурное наследие эпохи.

С целью изучения возможности использования данных экспериментально-психологического обследования личности для прогноза приспособляемости человека и его нервно-психической устойчивости в измененных условиях существования нами было предпринято изучение адаптационных свойств личности, выявившихся в длительном одиночном испытании в сурдокамере и в наиболее адекватных нашей задаче мо-

дельных психологических тестах, проводимых как до, так и после сурдокамеры. Используя принцип воспроизведения наиболее сложных профессиональных ситуаций в моделирующем психологическом эксперименте [3], мы остановились на изучении творческого интеллекта в процессе ориентации в неопределенной ситуации, имеющего, по данным проведенного нами ранее клинико-феноменологического анализа, наиболее существенное значение для прогноза приспособляемости к экспериментальному одиночеству [7]. Для этих целей мы использовали особенности проективных тестов, позволяющие ставить испытуемых перед необходимостью разрешать задачи различной степени неопределенности при помощи активной интеллектуальной деятельности [23], [25], [36], [22]. Свойственные проективным методам неопределенность оценки испытуемым собственных успехов и связь полученных результатов с социальным опытом и системой личностных отношений, отражающих эмоциональные и интеллектуальные компоненты личности в ее нормальном и патологическом развитии [14], соответствовали поставленной нами задаче.

В качестве проективных тестов использовались тематически апперцептивный тест (ТАТ) в классическом варианте Мюррея [41], [2], разработанная нами музыкально-проективная проба [7], проективно-ассоциативный тест ролевого самоотражения, являющийся вариантом теста «Кто Я?» Дж. Рафа и Е. Леви [44] и проективно-ассоциативный логический тест (ПАЛТ). Общим основанием для отбора этих методик были задачи познавательного раскрытия смыслового значения неопределенного комплекса раздражителей, опирающихся на творческое воображение, эмоциональную чуткость и логический анализ. Каждая из них являлась одновременно проективной, ассоциативной и логической задачей; однако степень выраженности каждого из этих компонентов, так же как и материал раздражителей, различны. Так, пятна Роршаха требуют активного воображения испытуемых для интеллектуального структурирования бессмысленных и эстетически неопределенных зрительных раздражителей. Музыкально-проективная проба рассчитана на смысловую интерпретацию звукового раздражителя эстетически значимого, но также не несущего прямого (вербализуемого) смыслового содержания. В ТАТ испытуемый, разрабатывая индивидуально своеобразные истории, опирается на имеющие определенный смысл зрительные изображения. В ПАЛТ предъявляемый раздражитель, адресованный ко второй сигнальной системе, требует серьезного логического анализа материала, опирающегося на творческое воображение. Дополнительно для одновременной оценки уровня притязаний на успешность познавательной деятельности использовалась модифицированная советскими психологами методика Хоппе [20], [15], [4]. Интеллектуальные задачи различной слож-

ности были отобраны из арсенала методик по установлению закономерностей Равена.

Настоящая статья посвящена преимущественно анализу деятельности в ПАЛТ. Остальные методики приводятся только в сравнительном плане при описании конкретных примеров.

Из применявшихся тестов в наибольшей степени целям изучения диалектики творческого воображения и логики в тактике познавательного поведения личности отвечал ПАЛТ. В основу проективно-ассоциативного логического теста был положен сценарный эксперимент С. Маркуса [39]. Предъявлялись 3 фрагмента, включавших диалоги из относительно мало известных нашим испытуемым, но высокохудожественных драматических произведений: использовались, например, «Недоразумение» А. Камю, «Дочь моря» Г. Ибсена, «Волк» Л. Леонова, «Ужасные родители» Ж. Кокто и т. д. В качестве образца приводим экспериментальный фрагмент из пьесы А. Камю [28; 162—164].

«Полдень. Общий зал. Он чистый и светлый.

Первая женщина. Он возвратится.

Вторая женщина. Он тебе это сказал?

Первая. Да. Когда ты вышла.

Вторая. Он вернется один?

Первая. Я не знаю.

Вторая. Он богат?

Первая. Он не интересовался ценой.

Вторая. Если он богат, тем лучше. Но лучше, чтобы он был один.

Первая. Один и богат. (С чувством усталости.) И значит, мы должны начать снова.

Вторая женщина. Мы действительно начнем снова. Но мы заплатим за нашу вину».

От испытуемого требовалось письменно раскрыть ситуацию, определив ее истоки, характер взаимоотношений персонажей, предшествующие, настоящие и будущие события. При анализе деятельности испытуемого учитывалась общая продуктивность, выражающаяся в количестве высказанных суждений, их логическая связанность и их соответствие существу развивающейся ситуации. Степень такого соответствия оценивалась по материалу не только данного отрывка, но и всего драматического произведения.

Полученные результаты выявили значительное своеобразие выполнения ПАЛТ у разных испытуемых. В нем отражались особенности личности, опыт, знания, эмоциональность и воображение. Из общего числа обследуемых (52) удалось достаточно отчетливо выделить четыре основных типа тактики поведения испытуемых в процессе эксперимента: объективно-продуктивный логический (10), субъективно-продуктивный (15), объективно-непродуктивно логический (17) и субъективно-непродуктивный (10). Выделенные типы достаточно хорошо коррелировали с основными особенностями адапта-

ционного поведения испытуемых в ситуации информационной недостаточности длительных одиночных сурдокамерных испытаний.

Объективно-продуктивный логический тип познавательной тактики в ПАЛТ характеризовался значительной общей продуктивностью, большим количеством выдвинутых и отвергнутых гипотез, четкой логической связью между суждениями, широтой раскрытия неопределенной ситуации, адекватностью высказанных суждений по существу происходящих событий и тенденции их дальнейшего развития, сочетанием оригинальности с проницательностью.

Наиболее ярким примером этого типа тактики в ПАЛТ служили ответы испытуемого Ч. Продуктивность его по всем трем фрагментам была очень высокой (31, 37 и 22 суждений) при одновременном подавляющем преобладании правильных логических выводов (30, 35 и 22). Для его познавательной деятельности был типичен педантичный анализ каждой детали текста с проверкой выдвинутых гипотез путем обобщающего сопоставления со всем информационным содержанием отрывков. Аналитико-синтетический стиль разбора с прогнозом динамики ситуации, выступающий в приводимом ниже отрывке из ответа по поводу фрагмента, приведенного в виде образца, был характерен для ответов Ч. и на другие фрагменты.

«Стиль речи женщин, — рассуждал испытуемый, — свидетельствует о том, что они достаточно и примерно одинаково воспитаны и образованы. Фразы краткие. Судя по содержанию разговора и лаконичности фраз, эти женщины участвуют в общем деле, понимают друг друга с полуслова, несколько встревожены происходящим, поначалу даже напряжены, хотя одна из них скрывает это под маской скуки. Предмет их внимания и беседы — малознакомый человек, богатый, большого мы о нем не услышали. Можно примерно определить цель, к которой стремятся эти женщины — его деньги, поскольку о них говорят дважды, а о нем, о его личных качествах ничего, кроме того, что он возможно вернется один. Эти женщины, не впервые оказавшиеся вместе в подобной ситуации (...«начнем снова»), однажды уже принесли кому-то несчастье своими действиями».

При ознакомлении с деталями фрагментов, затронувшими актуальные и конфликтные проблемы самих испытуемых, объективно-продуктивная логическая тактика анализа ситуации у троих из них сочеталась с выраженной проекцией личностной системы отношений. Проекция искажала достаточно логичную до этого канву построения гипотез и вела к субъективным, аффективно окрашенным предположениям, практически теряющим связь с действительным смысловым содержанием раздражителя. Однако эмоциональный интерес и умение вчувствоваться, сопереживать ситуации фрагментно, как правило, не только не мешали, но даже помогали испытуемым с объективно-продуктивным логическим типом тактики обходить неопределенность инфор-

мации при раскрытии логики предъявленной ситуации. Выявилась исследованная П. В. Симоновым [21] адаптационная значимость эмоций в ситуации информационной недостаточности и подтвердилась мысль Пиаже, что «чувство дает действию необходимую энергию, в то время как знание налагает на поведение определенную структуру [18; 63]. Все испытуемые объективно-продуктивного типа выделялись уже в подготовительном периоде сурдокамерного испытания тем, что они целенаправленно составляли свое представление о предстоящем испытании, углубляя свою осведомленность специально поставленными вопросами, которые носили конкретный, четкий, оригинальный и лаконичный характер и в то же время не уточняли сведений, четко записанных в инструкциях. Большинство из них, подготавливаясь к испытанию, не довольствовались регламентированным заданием, а наслаивали на заданную программу деятельности свое собственное решение, выявляя это в своеобразии постановки вопросов при инструктаже. Находясь в сурдокамере, эти испытуемые были творчески активны, разумно рационализировали программу эксперимента, были наблюдательны, инициативны, что исключало недоразумения и недоумения. В их отчетах по проведенному испытанию удачно сочеталась объективность, многоплановость, логичность, систематизированность, конкретность и образность с умением выделить в своих переживаниях главное и ответить на любой вопрос представителей различных специальностей, присутствовавших на разборе эксперимента.

Испытуемый Ч., деятельность которого в ПАЛТ нами разобрана в качестве образца, во всей полноте выявил перечисленные особенности адаптационного поведения в длительном одиночном сурдокамерном испытании. Он предложил обоснованную рационализацию принятой в эксперименте световой сигнализации, которую составил, используя математический аппарат комбинаторики. На протяжении всего испытания Ч. отличался значительной эмоциональной уравновешенностью, устойчивой адекватностью поведения, отсутствием обманов чувств и ошибочных умозаключений при одновременно высокоразвитом самонаблюдении и наблюдательности. В проанализированных нами многочисленных (более 50) длительных одиночных сурдокамерных испытаниях такое сочетание было редким (всего 2 случая). Как правило, испытуемые в целях профилактики необычных психических состояний старались не сосредоточиваться на своих необычных переживаниях, подавляя их в момент возникновения, а также избегали подробного анализа неинформативных раздражителей [7]. Особенно четко и ярко типичная для Ч. тактика познавательного поведения проявилась у него в часы бессонницы, связанной с адаптацией к измененному суточному режиму. Как нами показано [7], [11], состояние бессонницы при длительных одиночных сурдокамерных испытаниях в какой-то степени

моделировало обстановку строгой сенсорной депривации (человек лежал неподвижно в затемненном помещении). Ч. рассказывал после испытания, что в часы бессонницы он вспомнил шутки товарищей о черте, живущем в углу сурдокамеры. Специально прислушавшись к технически обусловленному шуму за холодильником и зрительно опираясь на неясные очертания выступающего оборудования на фоне неравномерной освещенности, он попытался в виде саморазвлечения нарисовать в своем воображении образ этого «черта». Это наблюдение может рассматриваться как своеобразная модель той психической деятельности, которая в американских исследованиях по строгой сенсорной депривации [43] приводила к развитию обманов чувств. Но одновременно в этом наблюдении выступили самоконтроль, регулирование своего внутреннего мира, непредвзятый анализ окружающих раздражителей, что, по нашему мнению, и позволило испытуемому оставаться в границах полного психического здоровья и равновесия, сохраняя живой интерес к беспрепятственному потоку собственного творческого исследовательского воображения.

Подавление своих необычных переживаний или относительно свободный поток творческого воображения, когда контроль сводится к осмысливанию (установлению причинно-следственных связей), — эти два крайних типа личностного отношения к необычным психическим состояниям, по нашему мнению, в определенной степени соответствуют таким типам защиты из арсенала психоаналитических понятий, как «примитивное отрицание» и «интеллектуализация» [49], [31]. Интеллектуализация в адаптации к сурдокамерным испытаниям проявлялась способностью второй сигнальной системы подчинить логическому анализу творческое воображение, не ослабляя его мощности и размаха. Рационалистически логический характер аналитической деятельности Ч. выявился также при сравнении богатства его деятельности в ПАЛТ и в музыкально-проективной пробе. Первый имеет достаточное количество опорных пунктов для логической организации творческого воображения, вторая относительно бедна ими и формальна, и потому в последнем случае творческое воображение может опираться только на эмоциональную динамику музыкального произведения. В отличие от ПАЛТ, ответы Ч. на музыкально-проективную пробу значительно проигрывали по сравнению с наиболее яркими ответами других испытуемых, были скудными и менее содержательными. Ассоциации самого общего характера вызвал только один из четырех музыкальных отрывков. Сопоставление деятельности в этих двух тестах четко подтвердило логически аналитическую направленность творческого воображения Ч.

Такова краткая характеристика объективно-продуктивной тактики познавательного поведения в ПАЛТ.

Продуктивно-субъективная тактика характеризовалась богатым воображением,

сравнительно мало связанным с материалом фрагмента. Информация, содержащаяся в тексте, — причем чаще всего далеко не вся, — была лишь отправным моментом для развиваемых историй. Конструировалась произвольная, иногда очень богатая и интересная, эмоционально насыщенная фабула, логически увязанная только внутри себя самой. Предложение объяснить несоответствие рассказа тексту фрагмента вызывало чаще всего досаду, а иногда достаточно ловкое и логичное втягивание упущенного элемента в систему развиваемого рассказа. Испытуемые этой тактики познавательного поведения в ПАЛТ уже в подготовительном периоде проявляли элементы субъективности, неадекватного представления о сурдокамерных испытаниях; при этом их не всегда удавалось переубедить. В самих испытаниях они являлись основными поставщиками эйдетических представлений идей отношения, клаустрофобии, ошибок умозаключений и других описанных нами необычных психических состояний, связанных с нарушением ориентации в самом себе [7], [8], [9], [10]. Но вместе с тем, некоторые испытуемые, придерживавшиеся этой познавательной тактики в ПАЛТ, были изобретательны, проявляли находчивость и инициативу в сурдокамерном испытании и находили интересную для себя деятельность, хотя в отдельных случаях и в ущерб регламентированной программе. Отчет об их испытании был часто «романтизированным». Объективные, хотя чаще всего мало значимые события, преподносились в приподнятом, приукрашенном стиле, иногда даже с существенным искажением действительно происшедшего. Только эти испытуемые — с субъективной познавательной тактикой в необычной ситуации — в какой-то степени оправдывают точки зрения Ж. П. Сартра и К. Ясперса [45], [46], [35] о бесполезности воображения в реальном действенном преодолении критических ситуаций и подтверждают гипотезу Ч. Броунфильда [26] о том, что галлюцинаторная активность в сенсорной депривации является эгоцентрической попыткой сделать значимым (индивидуально дифференцировать) содержание неинформативного раздражителя.

Непродуктивные познавательные тактики в ПАЛТ прежде всего характеризовались малочисленностью и бедностью суждений. Причем в зависимости от их правильности можно различать субъективные и объективные непродуктивные тактики. Творческое воображение здесь было тусклым, бесцветным, неразвитым. Субъективность выражалась не в безудержном полете яркой фантазии, как при продуктивной тактике, а в примитивных искажениях, непонимании материала. Логический анализ скользил только по поверхностным, банальным, очевидным связям ситуации, приближаясь к простому описанию фрагмента. Правда, в отдельных случаях формальная непродуктивность (малочисленность) суждений сочеталась с оригинальными, нешаблонными и вскрывающими

ми существо происходящих событий суждениями. Это заставляло предполагать, что выдвинувшие их лица в какой-то степени затормаживали внешний выход, сообщая экспериментатору только самое существенное из своих заключений, не внушающих сомнений в достоверности. Непродуктивности, обнаруженной в ПАЛТ в сурдокамерных испытаниях, как правило, соответствовали пассивность, отсутствие интересов и инициативы, безликий, безынициативный фон проведения эксперимента и формальный, мало информативный стиль отчета о проделанном сурдокамерном эксперименте. Однако из этой группы, как объективно-непродуктивных испытуемых, выделилось четыре человека, повышено осмотрительных, крайне осторожных в сурдокамерных испытаниях и скрытных даже в обычных условиях жизни. Кажущаяся внешняя малая активность в сурдокамерном испытании часто скрывала достаточно разнообразную, глубокую, напряженную и интересную внутреннюю работу. Скупой отчет о проделанном и пережитом в испытании иногда в личной интимной беседе с экспериментатором обрстал яркими личностно окрашенными наблюдениями, самонаблюдениями и суждениями, делая очевидной зависимость «непродуктивности» от скрытности, стеснительности и неуверенности. Именно у них «непродуктивность» в ПАЛТ сочеталась с оригинальностью и проницательностью немногочисленных суждений. В противоположность непродуктивности в ПАЛТ эти лица могли быть достаточно высоко продуктивны в ТАТ и музыкально-проективной пробе, где меньше ощущается сковывающая инициативу творческого воображения необходимость логического анализа. В наших исследованиях непродуктивность в ПАЛТ, обусловленная повышенной осторожностью, неуверенностью и скрытностью испытуемых, всегда характеризовалась высокой объективностью. В отличие от этого субъективно-непродуктивной тактике в ПАЛТ в сурдокамерных испытаниях всегда соответствовали пассивность, непонимание, неточное выполнение инструкций и неинтересный, бессодержательный, с элементами искажений, путаный отчет. «Псевдопродуктивности» в сурдокамерных испытаниях, выражающейся в многочисленных бесполовых, непродуманных вопросах при подготовке, в беспорядочной деятельности во время самого эксперимента, и суматошном, бессвязном отчете после него, в ПАЛТ и других проективных тестах, соответствует, как правило, содержательная непродуктивность. Объясняется «псевдопродуктивность» неуправляемой интеллектом эмоциональностью.

При сопоставлении адаптационного значения выявленных тактик познавательного поведения испытуемых с результатами физиологических и психологических исследований [21], [19] можно также заметить роль эмоций в борьбе с косностью вероятностного прогноза при раскрытии неопределенной ситуации. Регулируемая интеллектом эмоциональная реакция направляет выдви-

жение маловероятных гипотез и одновременно поддерживает чувство сомнения, предохраняющее от отрицательного влияния воображения на познавательную деятельность ориентирующейся личности.

Необходимость эмоциональной опоры для уверенности и точности восприятия и правильности умозаключений в наших исследованиях совпадала с определенным уровнем притязаний личности, который не только рельефно проявлялся в общей феноменологической картине поведения, но и подтверждался специальной методикой исследования уровня притязаний. Испытуемые, уровень притязаний которых соответствовал их реальным возможностям освоить ситуацию информационной недостаточности и действовать в ней, использовали свою самооценку для регулирования «смелости» сделанных суждений и принятых решений, пластично варьировали поведение, чутко улавливая, несмотря на отсутствие обратной связи, свой успех и неуспех. Индивидуумы с неадекватно низким уровнем притязаний тормозили свою ориентировочную деятельность, были нерешительны в ситуации поиска и выбора самостоятельных направлений деятельности, педантично, но без творческого огонька относились к полученным инструкциям. В отличие от этого неадекватно высокий уровень притязаний личности сопровождался скороспелыми решениями, выводами, умозаключениями, пренебрежением основными требованиями инструкций, концентрацией переживаний вокруг своей личности, отсутствием самокритики, иногда с пристрастно критическим отношением к технике проведения эксперимента. Для наибольшей психической интегративности и развития функций предвидения и творчества эмоции должны выступать в сотрудничестве с интеллектом на высшем, по К. Давровскому и М. Пичковскому [30], уровне их эволюции, который, по нашему мнению, характеризует их интериоризованность [1], [10], [12], [13].

Сопоставив результаты познавательной тактики в процессе адаптации к измененным условиям существования (длительным одиночным сурдокамерным испытаниям) и в проективных тестах у одних и тех же испытуемых, мы считаем возможным сделать некоторые общие выводы. 1. Правильная ориентация в «критической» ситуации и в своей личной роли в ней достигается человеком только путем сложной интеллектуальной деятельности, в которой решающее значение играет диалектика творческого мышления, воображения и логики. 2. Тактика познавательного раскрытия личностью вероятностной структуры неизвестной для нее ситуации во многом обуславливает как адекватность личностных отношений, так и саму степень совершенства приспособления. 3. Проективные тесты, и особенно разработанные нами ПАЛТ, достаточно полно и глубоко моделируют интересующие нас особенности познавательной деятельности личности при ориентации в новых для нее условиях существования.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Виготский Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
2. Гильяшева И. Н. О возможности использования метода ТАТ при изучении личности больного в психоневрологической клинике. Сб. «Психологические методы в клинике». Л., 1967.
3. Горбов Ф. Д. Пароксизмы при непрерывной деятельности. Докт. дисс. М., 1964.
4. Зейгарник Б. В. Пути исследования эмоционально-волевой сферы психических больных. Сб. «Вопросы экспериментальной патопсихологии». М., 1965.
5. Зурабашвили А. Д. Проблемы психологии и патопсихологии личности. Тбилиси, 1967.
6. Зурабашвили А. Д. Вопросы психиатрии. Тбилиси, 1969.
7. Кузнецов О. Н. Клиника и феноменология поведения здорового человека в длительных одиночных сурдокамерных испытаниях. Канд. дисс. М., 1968.
8. Кузнецов О. Н. Клаустрофобия как модель формирования синдрома навязчивых состояний. «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1970, т. 70, № 4.
9. Кузнецов О. Н., Лебедев В. И. К вопросу о псевдопсихопатологии в условиях сенсорной депривации. «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1965, т. 65, № 5.
10. Кузнецов О. Н., Лебедев В. И., Об экстернизационных реакциях в условиях длительного одиночества и их значения для понимания механизмов раздвоения личности. «Вопросы психологии», 1968, № 1.
11. Кузнецов О. Н., Лебедев В. И., Лицов А. Н. К вопросу о методе «аппликации» строгой сенсорной депривации при длительных сурдокамерных испытаниях. Сб. «Проблемы космической медицины», М., 1966.
12. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1965.
13. Лурья А. Р. Мозг человека и психические процессы. М., 1963.
14. Мясищев В. Н. Личность и неврозы. Л., 1960.
15. Неймарк М. С. Психологический анализ эмоциональных реакций школьников на трудности в работе. Сб. «Вопросы психологии личности школьника». М., 1961.
16. Орбели Л. А. Вопросы высшей нервной деятельности. М.—Л., 1949.
17. Павловские среды. М.—Л., т. 2, 1949.
18. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969.
19. Поляков Ю. Ф. Исследование нарушений психических (познавательных) процессов. В кн. «Шизофрения, клиника и патогенез» под ред. А. В. Снежневского. М., 1970.
20. Серебрякова Е. А. Уверенность в себе и условия ее формирования у школьников. Канд. дисс., М., 1955.
21. Симонов П. В. Теория отражения и психофизиология эмоций. М., 1970.
22. Anzieu D. Les methodes projectives. Paris, 1960.
23. Bahnson Cl. B. Emotional Reactions to the internally and externally derived threat of annihilation. В кн. The threat of impending disaster USA.
24. Bocher R., Holpern F. L'application clinique du test de Rorschach. P. U. F., 1948.
25. Brownfield C. A. Isolation Clinical and Experimental Approaches. N. Y., 1965.
26. Bruner S. Y. The Cognitive Consequences of Early Sensory Deprivation. В кн. "Sensory deprivation". Harvard University Press, 1961.
27. Camus A. Calculus suivi le Malentendu. Paris, 1958.
28. Chambers R. M. Operator Performance in Acceleration Environments. В кн. "Unusual Environments and Human Behavior". London, 1963.
29. Dabrowski H., Piechavski M. Les emotions superieures et l'objective d'evaluation. "Annales medicopsychologique", 1969, v. 2, No. 5.
30. Fenichel O. The psychoanalytic theory of neurosis. N. Y., 1945.
31. Freedman S. I., Grunebaum H. U., Grunblatt M. Perceptual and Cognitive Changes in Sensory Deprivation. В кн. "Sensory deprivation", Harvard University Press, 1961.
32. Freud A. The ego and the mechanism of defence. N. Y., 1946.
33. Freud S. The Problem of Anxiety. N. Y., 1936.
34. Jaspers K. Introduction a la Philosophie, Paris, 1966.
35. Klopfer B., Ainsworth, Mory D., Klopfer W. C. and Holt R. R. Developments in the Rorschach technique. Vol. 1, Technique and theory. N. Y., 1945.
36. Lazarus R. S. A laboratory approach to the dynamics Psychological Stress. "Amer. psychologist", 1964, 19.
37. Loftus S. P., Hammer L. R. Weightlessness. В кн. Unusual Environments and Human Behavior, London, 1963.

39. Marcus S. Criteres psychologiques pour depister la capacite de transposition scenique. *Revu Roumaine des sciences sociales Serie de "Psychologie"*, t. 13, No. 1, 1963.
40. Miller I. A theoretical Review of individual and Group psychological Reactions to stress. В кн. *The threat of impending disaster*. USA, 1964.
41. Murray H. A. et al. *Thematic Apperception test Manual*. Cambridge. M. U. P., 1943.
42. Ruff G. E., Levy E. Z., Thaler V. H. Factors influencing Reactions to Reduced Sensory Input. In P. Solomon et al (ed-s) *"Sensory deprivation"*, Harvard University Press, 1961.
43. Ruff G. E. Isolation and Sensory Deprivation 24th American Handbook of Psychiatry, 1966.
44. Ruff G. E., Levy E. Z. Psychiatric evaluation of candidates for Spaceflight. *"Amer. Journ. of psychiatr."*, v. 116, No. 5, London, 1959.
45. Sartre I. P. *L'Imaginneril*, Paris, 1940.
46. Sartre I. P. *Esquisse d'une theorie des emotions*. Paris, 1948.
47. Simons D. G., Flinn D. E., Hartman B. Psychophysiology of High — Attitude Experience. В *Unusual Environments and Human Behavior*, London, 1963.
48. Weybrew B. B. Psychological Problems of Prolonged Marine Submergence. В кн. *Unusual Environments and Human Behavior*. London, 1963.
49. Witkin H. A., Dyk R. B., Faterson H. F., Ioodenough D. R., Karp S. A. *Psychological differentiation Studies of Developmen*. N. Y., London, 1962.

